зменить самоощущение захотят многие, натуральная жизнь станет чисто элитным делом.

Бывают случаи, что человек ведёт себя словно жук, которого перевернули на спину, и он не может перевернуться обратно.

– Может, это просто некая психическая особенность человека, который видит в ваших требованиях посягательство на свою свободу?

– Нет. Всё дело в том, что у нас нет отдельных мозгов, о чём иногда забывают мои коллеги, для управления тела и отдельно для управления мышлением. Много лет назад я узнал про эксперимент: разделили класс на две группы, и с одной половиной вели занятия по координации движения. К концу года сравнили успеваемость. Группа, которая занималась координацией, дала бешеный прирост знаний как в алгебре, так и в других дисциплинах. Сейчас слишком много людей, у которых настолько всё связанное с управлением телесностью разрушено, что приводит и к психологическим, и даже психиатрическим расстройствам.

– Так в чём же причина?

– Это десоматизация. Человек теряет своё тело. Поначалу гипокинезия, теперь десоматизация. Мы почему-то подумали, что всё вокруг нас может формироваться чисто интеллектуально. А это не так! И длительное детство человеку нужно для того, чтобы выработать систему реципрокных связей. Ребёнок осваивает мир через тело, координируя действия с пространством и временем. Когда этого не происходит, образуются дыры. Не в физическом воспитании, а в психическом становлении человека. В его личностном становлении, в социальном.

– Но вы-то работаете с телом!

– Да, единственная сфера, где так приходится работать с людьми, – это театральная школа.

– У вас есть возможность сравнить проблемы десоматизации у нас и, скажем, в США?

– Там, во-первых, они, ещё раньше, чем мы, отрезали себя от природы. Они себя посадили по автомобилям. Они стоят на первом этаже, ждут лифта, чтоб подняться на второй. Но там модно ходить в гимнастический зал, качаться, бегать по утрам, там есть некий культ занятия собой. Но это очень примитивно, это очень узкая часть формирования телесного воспитания. Они обеднены в средствах экспрессии, в поведении.

– То есть результат один и тот же?

– Да. Результат один и тот же. Люди не могут выполнить элементарного задания. Я предлагаю, например, поднять руки на два такта, потом сдвиг на одну фазу, потом ещё на одну фазу. Потом то же самое, только добавляются шаги и работа пальцев. И вот стоит человек, и я вижу, что он совершает титаническую работу, пытаясь понять, как это одновременно выполнить весь этот комплекс.

– Он же пытается решить интеллектуальную задачу! Но думать-то не надо!

– Всё правильно. Я говорю: парень! ты попробуй телу объяснить, чего этот странный русский хочет от тебя. Объясни своему телу. Ты с телом общайся. Я ему говорю: ты понял головой, а понять должно тело. Мы пока чуть больше, чем они, сохранили сферу чувственного восприятия. У них уже нечувствительность гораздо выше, чем у наших. Ни чувствования своего тела, ни чувствования прикосновения другого. То есть всё, что связано с телесными ощущениями, у них ещё хуже, чем у нас. Нас спасает внутренняя расслабуха и другой менталитет. Это одна из потерь цивилизации – утрата остроты чувственного восприятия. Почему и приходится вздрючиваться иглой, порно и т.д..

– Вывод из этого напрашивается крайне пессимистический!

– Мы, скорее всего, скатимся к очень серому существованию, которое будет как бы искать отвлечения, вознаграждения в каких-то жутких, всё более острых формах срывов. Очевидно, грядут более крутые наркотики. Какие-то шпоры, или, наоборот...

– Новые гладиаторские бои?

– Что-то вроде этого. Киберсекс. Уже не по Интернету, а практически вживую, но без Другого, без общения. И на этом завязана целая индустрия. Так что существовать будет всё скучнее. Когда отдельный человек будет пытаться вознаградить себя какими-то острыми раздражителями.

– Мы начали об обычных вещах – движение, танец, а постепенно приходим к футуристическому прогнозу!

– Давайте включим телевизор и посмотрим любой клип. В первую очередь ощущение, что они все наглотались так называемого нервно-паралитического газа. Я не осуждаю, я понимаю, что это финал. Дальше что? Подключать себя к высокому напряжению, чтобы ещё больше, острее дёргаться? Любой психолог объяснит, что к самому сильному раздражителю наступает привыкание, и тогда начинается поиск более острого раздражителя. И только какое-то полнокровное существование, некая внутренняя культура, культура чувствования, скажем, даёт возможность не искать более острый раздражитель. На Востоке достаточно посадить один цветок – русскому нужен через неделю букет, потом миллион алых роз. Человечество пошло по пути интенсификации ощущений, в том числе и физических.

– Но японцы тоже страдают от новых технологий!

– Пока всё-таки меньше. Но и они скоро станут перед выбором, что делать дальше. Полностью разрушать свои национальные многовековые ценности или попытаться...

Я думаю, что произойдёт жуткое расслоение общества по миллионам направлений. Будут возникать группы очень богатых, не очень богатых, группы интеллектуалов, и одним из критериев расслоения будет телесная культура. Я бы даже сказал, что человечество как вид может начать изменяться. Потому что телесная подготовка – не просто манеры и владение своим телом. Это ощущение самого себя. И у многих будет возникать потребность изменить самоощущение, самовосприятие, самоподачу. Я думаю, что натуральная жизнь, натуральная пластика станут чисто элитным делом уже в ближайшие годы.

– А всем остальным, значит, от компьютера – за руль машины, в лифт, в электрифицированную кухню, в койку, потом – биг-мак?

– Телек включил, кнопку нажал, вставил кассету, наушники надел и, глядя в телевизор, заснул. Чтобы утром повторить всё то же самое. И раз в неделю дозу какого-нибудь экстази!

У меня к вам вопрос на засыпку. Вы когда в последний раз видели ребёнка на санках? Я вот несколько лет не видел детей на санках! Вот критерий! Или что в хоккейных коробках больше не играют в футбол. Пусть – на пиво. Не играют! Вот сейчас много экологических обществ – зелёные всякие. Говорят, надо спасать эту птичку, того зверька. А человека кто-нибудь хочет спасать?

– Андрей Борисович! Несмотря на отщепенцев и десоматизированных людей, у вас же потрясающе хорошие студенты. Они-то откуда берутся?

– Такие школы, как Щукинское училище, имеют возможность выбора. Кроме того, у нас есть пластический тур на экзаменах. Мы отбираем и работаем, отбираем и работаем. Другого пути нет. Вот Рушан Иксанов, ещё несколько человек. На курсе всегда найдутся два–четыре человека, которые выше прочих. И наш основной принцип, помимо технологических приемов и методик, это всё-таки принцип свободы. Мы никого не заставляем делать сложное. Кто-то начинает делать сложное – мы поощряем, кто за ним увязался – мы тут же поддерживаем. Мы создаём атмосферу и ситуацию, в которой человек не боится ошибки, не боится осуждения, не боится неудачи. Первая вещь, если мы хотим чему-то научить человека, это право студента на ошибку, право на неумение. А во-вторых, это максимализм планки. У нас высокие требования и они заставляют всех подтягиваться. Всем же интересно играть в серьёзные игры.

– Я хотел бы закончить в таком дифирамбическом стиле. Вы знаете, у ваших студентов очень хорошие лица. В них есть что-то. И вдруг мне показалось, в свете нашей беседы, что эта интересность развилась в результате того, что они занимались сценической пластикой.

– Знаете, всё вокруг заражено чернушностью. И постепенно мы убрали всю чернушность. Поэтому и выражения лиц такие. Мы ведём себя со студентами уважительно. И в ответ получаем такое же уважение и любовь. ■

Фото Фаины Османовой